

Игорь ШУЛЕПНИКОВ Песня о Магнитке

Давайте споем о столице металла.
Пусть гордая песня летит над страной
О городе славном в долине Урала,
В ковыльной степи
под Магнитной горой.

Высокие домны ту песню сложили,
Мартен поддержал, не остался глухим,
Прокатные станы свой ритм вложили,
Добавил огня своего коксохим.

Завод наш овеян заслуженной славой,
Умноженной в грозные годы войны.
Немеркнуща слава снарядного сплава
И слава рожденной в Магнитке брони.

Напротив завода, отлиты из стали,
Над берегом гордо недаром стоят
На мощном из каменных
глыб пьедестале
Рабочий с мечом и отважный солдат.

Тот меч металлурги Магнитки отлили,
Рабочий бойцу его с верой вручил...
Фашизм разгромив,
в Трептов-парке в Берлине
На землю солдат этот меч опустил.

Досталось Магнитке нелегкое бремя.
Завод арсеналом для Армии стал...
Давно миновало военное время,
И льется рекою наш мирный металл.

1979.

И. П. ШУЛЕВУ.

Не грусти, мой товарищ. Напрасно
Не страдай, не томись душой.
Наша жизнь тяжела, но прекрасна,
И идем мы дорогой большой.

Нам тяжелое выпало детство,
Наша юность в страданиях прошла.
Нам проклятье досталось
в наследство,
К нам сурова Отчизна была.

Мы прошли через цепь оскорблений,
Нашу гордость топтали в пыли.
Меж насмешками и униженьем
Мы к Отчизне любовь пронесли.

А такая любовь беспредельна.
Так зачем же ты прячешь ее?
Наше чувство едино и цельно,
Потому наше сердце поет.

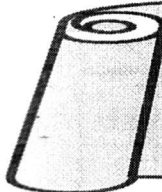
Мы недаром сдружились с тобою,
Ты мне брата родного милей.
Суждено нам, быть может, судьбою
Славить Родину песней своей.

Так встряхнись! Может, мне тяжелее,
Чем тебе достается порой...
Спать иль нет? Уж зоря пламенеет
Над угрюмой Магнитной горой.

1945.

Мы в гору шли, рука в руке,
Крутой тропинкой поднимались.
Туман стелился по реке,
Березки трепетно качались.
Вот и вершина. Воздух чист.
Лишь ветер свищет на просторе.
В вечернем сумраке искрист
Завод в бескрайнем дымном море.
В твоих глазах цветет любовь.
Мы смотрим вниз на дым и пламя.
Лежит грохочущая новь
Как на ладони перед нами.
И ты спросила: «Почему
Мне, как заводу, не подаришь
Стихов? Он сердцу твоему
Дороже, чем тобой товарищ?
Нежнее слов ты не сказал
И мне в тот вечер на закате,
А сам здоровье потерял
На этом дымном комбинате».
Совсем напрасно хмуришь бровь.
Причем стихи? Меня ты знаешь.
К заводу нашему любовь
Сама в душе своей скрываешь.
Немало под моей рукой
Прошло бурлящего металла,
Он там, внизу, течет рекой —
Стране подарок от Урала.
Оставил если я завод,
Что ж, долг отмерю полной мерой:
В цеха родные через год
Приду обратно инженером.
Чтоб в светлом завтра эту пыль,
Как мы сегодня, не глотали,
Тебе, Магнитка, сердца пыл,
Тебе все силы, город стали!
Как зачарованный смотрю
На комбинат, в ночи лежащий.
Не дым я вижу, а зарю
Всечеловеческого счастья.

1946.

Авторы сегодняшней литературной страницы — свидетели и участники строительства нашего города и комбината. Игорь Шулеников прибыл на Магнитку с родителями в 1932 году 16-летним парнем и около 40 лет отработал на комбинате. Много лет отдал комбинату Виктор Немолочный. Воевали и работали на разных участках Иван Ефанов и Михаил Ротанов...
Объединяет их не только Магнитка, но и любовь к литературному творчеству. В стихах и прозе они воспевают свое героическое поколение и Магнитку, и на страницах нашей газеты они частые гости.
Сегодня в честь 70-летия нашего славного города им по праву предоставляется слово.

Михаил РОТАНОВ

МОЙ ГОРОД

Мой город, Магнитка родная,
Друзья мы с тобой с той поры,
Когда у горы, не смолкая,
Запели пила, топоры.
На конях, волах и верблюде
С узлами, мешком за спиной
На стройку съезжались люди,
Оставив вдали дом родной.
А строить тебя помогали
Казах, украинец, таджик,
Башкир-землячок и татарин,
И ссыльный крестьянский мужик.
Друг друга с трудом понимали
И в грамоте были слабы,
Зарплату на пальцах считали,
Приемля капризы судьбы.
Начало сложилось негладко,
Но стройка не медлит, идет,
Жилище — большая палатка,
В ней дождь до костей не проймает.
А семьи ютились в землянках,
В бараках, покрытых дерном,
Там изредка пела тальянка
О чем-то далеком, родном.
Звенели детей отголоски,
Пел шумно титан-самовар.
Все было обидно, просто.
Так степь наш народ обживал.
Грабарка, лопата и тачка,
Извечны пила и топор...

Не знали простое, раскочки,
Не знали прогулов с тех пор.
Рос город, росли котлованы,
И вширь раздавались, и вглубь.
Ахметы, Олеси, Иваны
Шли в школу учиться и в клуб.
Чесали в раздумье затылки
Их руки в мозолях, грубы.
На смену простой кипятилке
Дым взвился из первой трубы.
Вставали цеха-великаны
На поле, где ветер гулял.
Бетон заполнял котлованы,
Синел от морозов металл.
Сменяя грабарку, лопату,
На стройку соперники шли —
Вагон, паровоз, экскаватор
Вперед эстафету несли.
Случались на стройке просчеты,
Да мало ли было невзгод,
Никто не чурался работы —
Таков был в ту пору народ.
Он шел по гудку на работу,
За хлебом часами стоял.
В фуфайке, лаптях и обмотках —
Он совесть и честь не терял.
Мой город, Магнитка родная,
Расправь свои плечи и грудь.
Ты — сильная, выживешь, знаю,
И выберешь правильный путь.

В музее комбината.
Диорама строительства завода.

УЩЕЛЬЕ ЛАНКО

Рассказ

Я вышел из автобуса с шумной компанией туристов. Наш путь лежал к старинной горной деревушке. Узкая дорога серпантином поднималась вверх мимо глубокого горного ущелья Ланко. Я не торопясь шел за растаявшими туристами и иногда останавливался, любясь могучим ландшафтом Кавказских гор.

Дорога подходила к краю ущелья Ланко и, круто сворачивая, шла вверх к деревне. Вдруг передо мной появились две ровные площадки. Одна была чуть ниже, другая — прямо на дороге. На этой площадке под невысокой отвесной скалой на широкой скамейке сидел старик. Он сидел, опершись широкими ладонями на посох. Густая седая борода прикрывала руки. На голове была серая каракулевая шапка. Он задумчиво глядел вдаль.

— Добрый день, дедушка. Притомился, наверное? — спросил я.

— Здравствуй, сынок, — ответил он с грузинским акцентом и показал мне жестом на скамейку.

Я присел.

— Почему, дедушка, это ущелье так называется?

— Знаю, сынок, очень хорошо знаю. Давно это было, мало кто помнит, — ответил старик. — Видишь большую ровную площадку? На ней в свое время собиралось много народа. А здесь, где мы сидим, проходили состязания самых сильных людей округи. И эта площадка служила ареной. Ее перед состязанием покрывали богатым ковром. Здесь были особые правила борьбы: нужно было не только положить противника на лопатки, что, конечно, засчитывалось при ничейном исходе, но главное — сбросить соперника с метровых высоты на площадку к зрителям. Это считалось полной победой.

Последние три года у нас самым сильным человеком был красивый и статный парень Ланко. Его всегда можно было видеть в кругу друзей или просто почитателей его силы. Молодые ребята во всем ему подражали, каждый стремился быть на него похожим. Там, где он появлялся, ссоры утихали. Он никогда никого не обижал, его не боялись. Его просто любили.

Когда приходил день состязаний, Ланко выходил на ковер в ожидании соперника. На этой лавке сидели мудрые старики. Самый старший объявлял об открытии состязаний и приглашал на ковер любого из присутствующих испытать свою силу и ловкость с самым сильным человеком округи. Не секрет, что в деревнях и аулах тайно подготавливали соперников. И сильные парни были. Но Ланко раздвигался с ними шути. Два-три мощных приема — и противник оказывался внизу.

В тот день после объявления состязания на площадку вышел никому не известный парень Сако из высокогорного аула. Раздевшись до пояса, Ланко и Сако стояли друг перед другом. Это были настоящие богатыри: широкие плечи, крепкие мускулы так и играли по всему телу.

Начался поединок. Борьба обещала быть долгой. То один, то другой под одобрительный гул зрителей проводил прием. Но больше всего одобрительных выкриков было в адрес Ланко. И вот Ланко захватил Сако в свои мощные клещи. Но Сако рывком разорвал хватку Ланко и неожиданным приемом захватил его

Виктор НЕМОЛОЧНЫЙ

сзади, поднял и поднес к краю площадки. Нет, он не сбросил его, а как-то осторожно и легко оттолкнул от себя.

... Ланко оказался внизу. Зрители от неожиданности смолкли. Ланко стоял перед ними, низко опустив голову. Но вдруг он подбежал к одному из парней, выхватил из его ножен кинжал и диким барсом запрыгнул вновь на ковровую площадку. Сако отпрянул к скале. Но Ланко даже не взглянул на него, соколом взлетел на выступ скалы и закричал. В этом крике были страшная боль и отчаяние. Он поднял руку с кинжалом и вонзил его себе в грудь по самую рукоятку. Какое-то мгновение Ланко еще стоял, но вдруг его тело задрожало, и он замертво рухнул в ущелье. Вокруг стояла зловещая тишина, только где-то внизу слышались звуки ударов тела о скалы. А несмолкающий отчаянный крик эхом отзывался в ущелье, опускаясь все ниже и ниже, как бы стараясь догнать своего хозяина...

Старик замолчал, опустив голову. Потом, как бы очнувшись, продолжал:

— Не выдержало сердце Ланко горечи поражения. Всю ночь двадцать самых сильных парней, сменяя друг друга, рубили скалу для его могилы. Весть о гибели Ланко облетела все деревни и аулы. И с рассветом все от мала до велика пришли проводить его в последний путь. Его похоронили вот здесь, — старик повернулся и показал на скалу.

В почерневшей скале я, присмотревшись, увидел неровные куски камня.

— Сако, который победил Ланко, завещал своему поколению, чтобы первенца в роду называли Ланко.

Я встал и низко поклонился могиле.

— Торопись, сынок, — произнес старик, — твои, наверное, далеко ушли. Будешь наверху в деревне, спроси, где живет Ланко. Там тебя угостят хорошим вином...

Я не спеша поднимался вверх. Дойдя до выступа, висящего над ущельем, оглянулся. Старик по-прежнему сидел в той же позе, опираясь ладонями о посох. Я мысленно повторил слова старца: «Давно это было, мало кто помнит».

Александр ПАВЛОВ

ВЕЧНЫЙ ЖАР

Люблю тебя, мой город юный,
ну что поделаешь — люблю
твои зарницы ночью лунной,
судьбу рабочую твою.

Люблю тебя и в спорах длинных
о городах земли моей
на самый райский, самый дивный
не променяю, хоть убей.

Не променяю, не оставлю,
а поселил в заветный стих —
до камня каждого, до ставни,
до малых черточек своих.

Запомню все, где жил и вырос,
где испытал себя огнем,
где из дорог солдатских вынес
все то, что Родиной зовем.

Где домны в ряд над комбинатом,
всегда видны издали,
стоят полными атлантами,
взвалив на плечи облака.

Стоят высоко и послушно
и разливают вечный жар
в людские судьбы, жизни, души,
в глаза красивых горожан.

Владимир ШЕР

ВСПОМНИ, СТАРЫЙ СОЛДАТ!..

Вспомни, старый солдат,
гром победного залпа
и ракетных букетов
сверкающий дождь.
Он звучал, как набат,
многократным раскатом,
над Планетой пронес
твои Славу и Мощь.
Возвестил о Победе
над игом фашизма,
что придут
долгожданные Мир и Покой!
И тебе благодарна
родная Отчизна
и за подвиг солдатский,
и за путь трудовой.